

УДК 94 (47+57) (092)

© С. С. Близниченко, С. Е. Лазарев, 2013

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВОЕННО-МОРСКОЙ АКАДЕМИИ В 1920-Х ГОДАХ

Близниченко С. С. – канд. техн. наук, доцент кафедры «Транспортные сооружения», e-mail: Flagman.Flota@yandex.ru (Кубанский государственный технологический университет); *Лазарев С. Е.* – канд. ист. наук, преп. кафедры «Общепрофессиональные дисциплины», e-mail: lasarev2009@yandex.ru (Орловский филиал Воронежского экономико-правового института)

Статья посвящена малоизученной проблеме – в ней на основе редких архивных документов исследуются «чистки» в Военно-морской академии в 1920-е гг. Раскрываются основные причины и механизмы репрессий. Затрагиваются судьбы известных военных деятелей.

The article is devoted to the insufficiently explored problem - the «cleansing» in Naval Academy in the 1920s. The research is carried out on the basis of the rare archive documents. The main reasons and mechanisms of repression are revealed. The fates of famous military leaders are touched.

Ключевые слова: Военно-морская академия, Рабоче-Крестьянский Красный флот, Кронштадтское восстание 1921 г., дело «петроградской боевой организации», репрессии, Б. Б. Жерве, Л. Е. Гончаров, С. А. Хвицкий.

Политические репрессии в военных учебных заведениях Рабоче-Крестьянского Красного флота (РККФ) – тема малоизученная. Особый интерес вызывает история Военно-морской академии¹, которую называют кузницей флотских кадров. Она ведёт свою историю с 1827 г., когда в Петербурге при Морском кадетском корпусе был учреждён высший офицерский класс. За свою почти двухсотлетнюю историю это высшее учебное заведение претерпело множество реорганизаций и носило разные имена деятелей России. В советские времена академия неоднократно подвергалась основательным репрессиям. Рассмотрим причины, ход и последствия первой такой «чистки», произошедшей в 1920-х гг.

¹ Ныне Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова.

При раскрытии избранной темы авторы руководствовались принципами историзма, объективности, комплексности. Использовались и общие методы исторического исследования: конкретно-исторический, историко-сравнительный анализ, историческое описание. При решении исследовательских задач за основу взяты материалы Надзорных производств Главной военной прокуратуры, Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального архива Федеральной службы безопасности России, опубликованные источники. В работе применялись исторический и логический подходы, в качестве общенаучных принципов использовались анализ, синтез, обобщение.

Несмотря на социальное происхождение представителей профессорско-преподавательского состава Николаевской морской академии, большинство которых было дворянами или служащими, вуз имел прочные «революционные корни». Известно, например, что в Морской академии существовали кружки «Народной воли», которые уцелели и после разгрома организации в 1883 г. Есть основание полагать, что некоторые участники этих нераскрытых кружков продолжили службу и к 1917 г. достигли немалых чинов [1]. Поэтому не случайно после Революции академики перешли на сторону большевиков. При этом военными специалистами, разумеется, двигали разные мотивы. Здесь и материальная нужда, и потребность в привычной службе, и опасения вызвать подозрения со стороны новых властей. Но главным представляется то обстоятельство, что большевиков поддерживали широкие народные массы, а также их стремление воссоздать великую державу.

С мая 1917 г. Морскую академию возглавлял бывший генерал-майор по адмиралтейству Николай Лаврентьевич Кладо. Это был крупный педагог и учёный, автор более 100 трудов по морской стратегии, тактике, военно-морской истории и истории военно-морского искусства. Н. Л. Кладо первым в русском флоте исследовал вопросы боевого использования авиации при ведении войны на море [2]. В 1918 г. при вузе для изучения опыта Первой мировой и гражданской войн была создана Морская историческая комиссия. В её состав вошли бывший морской министр адмирал И. К. Григорович, флагманский инженер-механик Балтийского флота генерал-лейтенант В. А. Винтер, военно-морские теоретики капитаны 1-го ранга М. А. Петров, Б. Б. Жерве, Л. Е. Гончаров и другие. Под руководством Н. Л. Кладо академия стала своего рода школой, в которой формировалась советская военно-морская наука, структура и содержание которой окончательно оформились к началу Великой Отечественной войны [3].

В 1918 г. в здании Морской академии были открыты соединённые классы специалистов командного состава РККФ. Они готовили командиров и других специалистов флота среднего звена. 1 апреля 1919 г. начались занятия на Военно-морском отделе Морской академии, а в мае 1920 г. были открыты технические отделы. После смерти в июле 1919 г. Н. Л. Кладо начальником академии был избран учёный с мировым именем Алексей Николаевич Крылов, автор множества работ по теории магнитных и гироскопических компасов, по

артиллерии, механике, математике и астрономии. А. Н. Крылов преподавал в стенах учебного заведения почти 50 лет. Возглавив вуз, он активно участвовал в его преобразовании и выработке устава [4].

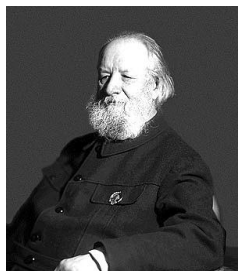

Рис. 1. А. Н. Крылов

В мае 1920 г. А. Н. Крылова на посту начальника академии сменил профессор Борис Борисович Жерве. Б. Б. Жерве являлся крупным военным теоретиком и историком. Неоценимый боевой опыт он получил в период Русско-японской и Первой мировой войн. Труды Б. Б. Жерве по теории и истории военно-морского искусства («Значение морской силы для государства», «Десантная операция») имели значительное влияние на развитие советской военно-теоретической мысли [5]. Морскую академию Борис Борисович возглавлял продолжительное время – сначала в 1920-1921 гг., затем в 1923-1930 гг. При нём отделы академии были переименованы в факультеты, а к чтению лекций были привлечены авторитетные в своих областях учёные: В. В. Ахматов, К. П. Боклевский, Ф. А. Брикс, Н. Н. Матусевич, А. А. Фридман, Ю. А. Шиманский, Ю. М. Шокальский и другие [6].

19 октября 1925 г. Морской учебный комитет РККФ принял целевые установки подготовки слушателей вуза:

1. Военно-морская академия РККФ является высшим военно-морским учебным заведением и научным учреждением РККФ.

2. В качестве высшего военно-морского учебного заведения Военно-морская академия РККФ имеет своим назначением завершение специального военно-морского образования командиров РККФ различных специальностей, прошедших полный курс военно-морского, военно-морского инженерного и военно-морского гидрографического училищ и имеющих не менее двух лет служебного стажа на командных должностях РККФ, в целях подготовки их к практической деятельности по своей специальности в составе Морских сил и береговых учреждений, создающих и обслуживающих флот, в качестве командиров-единоначальников высшей по своей специальности квалификации» [7].

В последующем академии удалось вырастить целую когорту выдающихся военных деятелей: В. А. Алафузов, В. А. Андреев, Н. Г. Басистый, А. И. Берг, С. Г. Горшков, И. Д. Елисеев, В. В. Ермаченков, И. С. Исаков, В. А. Касатонов, Н. Г. Кузнецов, Н. Д. Сергеев, Н. П. Египко, Н. А. Остряков, А. Е. Орёл, Н. М. Харламов. Выпускники вуза занимали руководящие должности в Цен-

тральном управлении Народного комиссариата по военным и морским делам, на флотах и флотилиях, в научно-исследовательских институтах и военно-морских учебных заведениях.

Тем не менее, несмотря на большие заслуги в военной науке, профессорско-преподавательский состав Военно-морской академии с самого начала оказался в сфере пристального внимания органов госбезопасности. Тень подозрения на весь руководящий контингент вуза бросило Кронштадтское восстание 1921 г. После него командные кадры флота подверглись проверке на благонадёжность, так называемой «фильтрации» [8]. Летом 1921 г. в Кронштадте и Петрограде была проведена регистрация всех морских офицеров и военных чиновников. Всего органы госбезопасности зарегистрировали 977 человек, в т.ч. 59 адмиралов и генералов по морскому ведомству, 84 капитана 1-го ранга и полковника, 120 капитанов 2-го ранга и подполковников, 440 обер-офицеров, 194 чиновника и 80 гардемарин [9]. По подсчётам С. А. Зонина, из числа зарегистрированных было «изъято», т.е. арестовано, 360 бывших офицеров. Комиссия по реабилитации А. Н. Яковлева назвала другое число – 384 человека [10]. Среди них оказалось немало воспитанников и преподавателей Николаевской морской академии. Один из сотрудников Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) Панкратов направил помощнику начальника Морских сил по политчасти В. Автухову следующую директиву: *«В дополнение и изменение ранее данных распоряжений сообщая, что срок операции сокращается до 48 часов, считая с 10 часов утра 20 августа с.г. В основе работ непременно лежит в первую голову изъять: офицеров... происходящих из дворян, князей, баронов, графов, высшей интеллигенции и т.д. В качестве спецов, подлежащих изъятию, следует обратить внимание на артиллеристов, минёров и по должностям командиров судов. Имейте в виду Академию, где состав подлежит изъятию почти в целом (выделено нами – авт.). Примите все меры к окончанию работ в указанный срок»* [11].

Одним из репрессированных в 1921 г. преподавателей единственного в стране флотского высшего учебного заведения был профессор Военно-морской академии Леонид Егорович Гончаров (1885-1948 гг.). Он родился в Кронштадте в семье морского офицера. Во время Русско-японской войны мичманом участвовал в походе 2-й Тихоокеанской эскадры [12]. В Первой мировой войне командовал эсминцем, входил в особую комиссию по рассмотрению изобретений. За мужество был удостоен нескольких боевых орденов. После Октябрьской революции Леонид Егорович остался в кадрах флота, служил в Морском генеральном штабе, преподавал в Морской академии. В феврале 1918 г. он вступил в ряды РККФ, однако в дальнейшем проявлял недовольство политикой большевиков, пренебрежительно относился к политкомиссарам, что послужило причиной неоднократных доносов на него. Например, 18 июня 1918 г. комиссар Управления морской авиации и воздухоплавания А. П. Онуфриев описал в рапорте следующую ситуацию. 14 июня он вместе с ответственными работниками Управления Н. А. Тучковым и Н. Т. Федотовым был вызван в Морской генеральный штаб. Начальник организа-

ционно-тактического отдела штаба Л. Е. Гончаров, по признанию А. П. Онуфриева, заявил прибывшим авиаторам, что вопрос *«чисто технический, а не политический – и присутствие комиссара не нужно. Сказано это было тоном враждебности и презрения, не как ко мне как отдельной личности, а в целом к представителям Советской власти»* [13]. Комиссар А. П. Онуфриев писал: *«Эта пощёчина была нанесена товарищам, павшим за освобождение трудящихся масс, и тем, кто, невзирая на все невзгоды, защищает и укрепляет власть Советов. В этом ясно было видно, как враги народа, враги Советской власти и скрывающиеся под разными личинами контрреволюционеры, пользуясь затруднительностью положения народной власти, подняли головы и с нескрываемым злорадством ждут момента падения существующего строя... Я пустил вслед уходящему Гончарову «Сволочи» и пригрозил всем арестом»* [14].

Тогда этот инцидент не повлёк за собой для Л. Е. Гончарова печальных последствий. Леонид Егорович уже являлся известным специалистом по минно-торпедному оружию, защитившим совсем недавно (28 января 1918 г.) в Морской академии диссертацию на тему *«Исследование вопроса о вероятности попадания при минных стрельбах по площадям»* [15]. Л. Е. Гончаров продолжил службу в Морском генеральном штабе, затем окончательно сосредоточился на преподавательской деятельности в Морской академии, где занимал должность начальника факультета военно-морского оружия [16]. Однако в дальнейшем такое отношение к Советской власти и её официальным представителям не прошло для Л. Е. Гончарова бесследно.

Л. Е. Гончаров не принимал участия в Кронштадтском восстании, но среди его близких знакомых было немало «мятежников». Видимо, для устрашения оставшихся на свободе ВЧК произвела в 1921 г. серию арестов среди представителей научной и творческой интеллигенции, объединённую в дело *«петроградской боевой организации»* [17]. Самыми знаменитыми жертвами стали профессор кафедры географии Петроградского университета В. Н. Таганцев и поэт Н. С. Гумилёв. Всего же по делу *«боевой организации»* в 1921 г. ВЧК арестовало 833 человека. Из них 96 было расстреляно или убито при задержании, 83 человека отправлены в концентрационный лагерь, 448 освободили из заключения. Судьба многих осталась неизвестна [18].

Л. Е. Гончарова также арестовали по делу *«петроградской боевой организации»* в мае 1921 г. Леонид Егорович мог бы войти в число расстрелянных *«заговорщиков»*. Однако тогда, как записано в его формуляре, *«преступление не было доказано»*. В начале февраля 1922 г. Л. Е. Гончарова освободили из заключения. Этот первый арест, к сожалению, ничему не научил Леонида Егоровича. Он всё также не был разборчив в знакомствах и вёл опасные разговоры на политические темы. После выхода на волю Л. Е. Гончаров продолжил педагогическую деятельность в Военно-морской академии. Активно занимался научной деятельностью в качестве сотрудника Особого технического бюро по военным изобретениям специального назначения при Высшем совете народного хозяйства [19].

Но политика большевиков по отношению к флоту, который по сравнению с сухопутной армией финансировался по остаточному принципу, вызвала раздражение у Леонида Егоровича. Например, в мае 1923 г. Высший совет народного хозяйства продал на слом за границу около 10 тяжёлых кораблей Балтийского флота, строившихся по проекту Л. Е. Гончарова и обязанных в будущем составить славу отечественного флота [20]. Труды Леонида Егоровича пропали даром. Критический настрой многих бывших офицеров старого флота по отношению к новой власти неизбежно вызывал подозрения к ним. Органы госбезопасности внимательно отслеживали настроения военных специалистов, опасались их влияния в эмигрантских кругах, демократических взглядов, возникновения «монархического заговора» с целью свержения Советской власти.

Чекисты подробно фиксировали реакцию бывших офицеров флота на важные политические события и на этой основе брали «в разработку» отдельных проходивших по сводкам лиц. Так, в докладе особого отдела Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) «О состоянии Военно-морского флота», датированном 1 марта 1924 г., отмечалось: *«Смерть т. Ленина на весь личный состав флота произвела удручающее влияние. Военно-морская масса, несмотря на злорадство некоторого неблагонадёжного элемента по поводу смерти т. Ленина, ответила тесной сплочённостью вокруг Коммунистической партии... К наиболее неблагонадёжному элементу, который проявил себя во время траурной демонстрации, относятся следующие лица: пом. нач. академии Винтер и преподаватели академии Гончаров, Петров, Кладо, Удимов и Винблат, которые открыто радовались смерти т. Ленина, сочиняли всевозможные анекдоты, а также говорили: "Теперь посмотрим, чья возьмёт, так как власть исключительно держалась на т. Ленине, а теперь, раз его не стало, остальные разбегутся как бараны"»* [21].

В марте 1924 г. Л. Е. Гончаров был назначен старшим руководителем циклов «Морская тактика» и «Минная стрельба» Военно-морской академии. Через 2 года он стал начальником факультета военно-морского оружия [22]. Одновременно Леонид Егорович вошёл в Морской технический комитет Управления Морских сил РККА. В аттестации Л. Е. Гончарова за 1924 г. говорилось: *«Один из крупнейших специалистов по минному делу в СССР. Около 33 научных трудов. Ординарный профессор-изобретатель. Педагогическими способностями обладает. Материально обеспечен роскошно. В академии является центром, вокруг которого организуется всё чуждое Советской власти, вплоть до монархии. Враждебен Советской власти»*. И, тем не менее, вывод аттестации был следующим: *«как незаменимого специалиста оставить в академии»* [23].

Леонид Егорович действительно был уникальным специалистом. Причём, не только теоретиком, но и практиком – разработчиком новых боевых средств и методов их использования. Достаточно сказать, что в 1915 г. он создал 450-мм раздвижной трёхтрубный торпедный аппарат, с успехом приме-

нявшийся на эскадренных миноносцах типа «Новик», а в 1920-е гг. развил основополагающие принципы боевого использования тяжёлых артиллерийских кораблей и связанные с этим требования к их конструкции и вооружению. Эта незаменимость спасала его от расстрела. Но не от арестов. В дальнейшем Л. Е. Гончаров был репрессирован ещё дважды, в 1930 г. и в 1947 г. Последний арест закончился его преждевременной кончиной.

Рис. 2. Вице-адмирал Л. Е. Гончаров. 1940-е гг

Другой жертвой «чистки», направленной против военных специалистов, стал заслуженный советский флотоводец времён гражданской войны Сергей Александрович Хвицкий (1890-?). Он родился в Кронштадте в семье военных. Окончил Реальное училище (1903 г.) и Морской кадетский корпус (1910 г.) [24]. С самого начала Первой мировой войны принял в ней деятельное участие: лейтенант флота, командир корабля. Восторженно встретил Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. [25]. В феврале 1918 г. С. А. Хвицкий добровольно вступил в ряды военных моряков РККФ. Затем в должности командира сторожевого судна «Горностай», командира дивизиона сторожевых судов участвовал в гражданской войне и отражении иностранной интервенции. Проявил себя блестящим организатором. После гражданской войны занимал ответственные посты командующего Азовской военной флотилией и начальника Морских сил Каспийского моря [26].

Под влиянием событий в Кронштадте 25 ноября 1921 г. С. А. Хвицкий «по недоверию» был освобождён от должности начальника Морских сил Каспийского моря и зачислен в резерв Штаба РККФ [27]. По личной просьбе ему был предоставлен длительный отпуск для лечения. Затем он продолжил службу в Штабе РККФ, а 10 декабря 1923 г. возглавил Амурскую речную военную флотилию Морских сил Дальнего Востока.

В период с ноября 1925 г. по апрель 1926 г. С. А. Хвицкий обучался на Высших морских академических курсах при Военно-морской академии в Ленинграде. Вместе с ним учились многие видные флотские военачальники: М. В. Викторов, Л. М. Галлер, Я. И. Озолин, В. М. Орлов, Ю. Ф. Ралль, Г. А. Степанов и другие. (Большинство из них было впоследствии репрессировано.) 16 апреля 1926 г. состоялся первый выпуск Высших морских академических

курсов. Диплом об их окончании приравнялся тогда к диплому выпускника Военно-морской академии [28].

1 мая 1926 г. С. А. Хвицкий отбыл на преподавательскую работу в этот вуз. Ему предстояло передавать свой богатый опыт новым поколениям советских флотоводцев. Но обнаружилось, что старший брат Сергея Александровича Анатолий являлся бывшим белым офицером. Послужной список А. А. Хвицкого выглядит следующим образом: *«Родился 8 октября 1888 г. в Севастополе. Окончил Морской корпус в 1908 г. (произведён в офицеры в 1909 г.). Окончил Офицерский класс подводного плавания в 1914 г. лейтенант (1913 г.). Командир подводной лодки АГ-14. Служба в белых войсках Северного фронта: с 27 ноября 1918 г. делопроизводитель Архангельского военного порта. Старший лейтенант (2 октября 1919 г.). Жена Елизавета Ивановна (Янулевич)»* [29]. Имея таких родственников, С. А. Хвицкий неизбежно привлекал к себе внимание компетентных органов. Не исключено к тому же, что он, как и Л. Е. Гончаров, и другие бывшие военные специалисты, критически относился к социально-политическим мероприятиям Советской власти.

В 1926 г. последовала новая «чистка», затронувшая профессорско-преподавательский состав Военно-морской академии. В этот период были арестованы многие видные флотские военачальники, происходившие из дворянского сословия и служившие в офицерских чинах в Императорском флоте. Репрессии были непосредственно связаны с обострением в стране внутриполитической борьбы. Ведь в 1926 г. шла особенно острая борьба между «сталинцами» и «троцкистами». Из армии и флота «извлекались» военные специалисты, которых Л. Д. Троцкий в своё время привлёк на службу Советской власти. Одним из самых крупных в то время было дело № 7455 в отношении моряков Балтийского флота. По нему в 1926 г. арестовали 23 морских офицера, в т.ч. бывшего заведующего подводным классом при Военно-морской академии А. Н. Бахтина и штатного преподавателя вуза С. А. Хвицкого. 28 февраля 1927 г. арестованные предстали перед судебной коллегией ОГПУ по обвинению в создании на флоте «контрреволюционной военномонархической организации». По версии следствия, все бывшие офицеры царского флота, арестованные по этому делу, занимались контрреволюционной деятельностью в период с 1918 г. по 1926 г. В «Справке особого отдела ОГПУ по делу контрреволюционной офицерской организации в РККФ» от 26 июня 1926 г. содержалась информация, что её активные участники принимали *«меры к сплочению вокруг себя комсостава из бывших морских офицеров, преимущественно дворян, и захвату ответственных должностей во флоте, в особенности командования боевыми кораблями»*.

Устраиваются вечеринки, на которые втягиваются командиры – бывшие офицеры, на этих вечеринках поют «Боже царя храни», провозглашаются тосты за «жертв» – расстрелянных, белых эмигрантов, демобилизованных из флота; ведутся контрреволюционные беседы и тут же обсуждаются различные назначения своих людей, которые затем через имеющиеся обширные связи в штабах морей и РККФ проводятся» [30].

На основании постановления коллегии ОГПУ от 28 февраля 1927 г. военморы получили различные сроки исправительно-трудовых лагерей. С. А. Хвицкого лишили свободы на 10 лет, А. Н. Бахтина – на 5 лет [31]. В последующем судьба осуждённых по этому делу сложилась по-разному. Одни после отбывания срока были вторично осуждены по печально известному делу «Весна» в 1930-1931 гг., другие (например, А. Н. Бахтин) вернулись из заключения с подорванным здоровьем и вскоре умерли [32]. Каким был конец жизненного пути С. А. Хвицкого, до сих пор точно не установлено. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 сентября 1956 г. «дело» в отношении А. Н. Бахтина, С. А. Хвицкого и других осуждённых было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления [33].

Таким образом, большевики вынуждены были, с одной стороны, привлекать военных специалистов старой армии и флота на службу для строительства Вооружённых сил, с другой стороны – мириться подчас с их враждебностью и критикой. Но в моменты острых политических кризисов, когда решалась судьба государства (Кронштадтское восстание 1921 г., Борьба слевой оппозицией в Коммунистической партии в 1926 г.) именно «бывшие» испытывали на себе главный удар органов госбезопасности. Во многом это касается и судьбы представителей профессорско-преподавательского состава Военно-морской академии, которые по своему социальному происхождению и демократическим взглядам были чужды официальной власти.

Библиографические ссылки

1. *Гросул В. Я.* Красные генералы гражданской войны // Российская история. 2011. № 4. С. 140.
2. *Большая Советская Энциклопедия* (В 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 12. М.: «Советская Энциклопедия», 1973. С. 260-261.
3. *Сысуев Ю.* Военно-морская академия – 180 лет славы // Морской сборник. 2007. № 2. С. 15-18.
4. *Большая Советская Энциклопедия* (В 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 13. М.: «Советская Энциклопедия», 1973. С. 506-507.
5. *Большая Советская Энциклопедия* (В 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. Т. 9. М.: «Советская Энциклопедия», 1972. С. 178.
6. *Сысуев Ю.* Военно-морская академия – 180 лет славы // Морской сборник. 2007. № 2. С. 17.
7. *Очерки истории Военно-морской академии.* Л.: Издание Военно-морской академии, 1970. С. 54.
8. *Зданович А. А.* Бывшие морские офицеры как объект оперативного воздействия ВЧК – ОГПУ (1918-1931) // Исторические чтения на Лубянке; 1997-2008. М.: Кучково поле, 2008. С. 102-116.
9. *Цит. по: С. А. Зонин.* Первый шквал // Морской сборник. 1991. № 11. С. 79.
10. *Яковлев А. Н.* Война со «своей» армией // Гражданин. 2003. № 2. С. 37.
11. *Цит. по: С. А. Зонин.* Первый шквал // Морской сборник. 1991. № 11. С. 79.
12. *Морской сборник.* 1936. № 11. С. 33.

13. *Российский* государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 194. Л. 299.
14. *Там же*, л. 299-299 об.
15. РГА ВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 163. Л. 24.
16. *Список* начальствующего состава Военно-Морских Сил РККА по состоянию на 1 мая 1928 г. Л.: Издание управления про командсоставу Военно-морских сил РККА, 1928. С. 67-68.
17. *Зданович А. А.* Бывшие морские офицеры как объект оперативного воздействия органов ВЧК – ОГПУ (1918-1931) // Исторические чтения на Лубянке: 1997-2008. М.: Кучково поле, 2008. С.106.
18. *Измозик В. С.* Петроградская боевая организация – чекистский миф или реальность? // Исторические чтения на Лубянке. 1997-2007. М.: Кучково поле, 2008. С.140-149
19. *Шошков Е. Н.* Репрессированное Остехбюро. СПб.: ООО «Петровский фонд», 1995. С.116.
20. *Помогайбо А. А.* Вырванный меч империи. 1925-1940. М.: Вече, 2006. С. 210-211.
21. *Центральный* архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 66. Оп. 1. Д. 149. Л. 85.
22. *Лурье В. М.* Адмиралы и генералы Военно-Морского флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941-1945). СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 2001. С. 59.
23. *Шошков Е. Н.* Наморси Щастный. СПб.: ООО «Петровский фонд», 2001. С. 320-323.
24. РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 5359. Л. 1.
25. *Там же*.
26. *Боевая* летопись Военно-Морского Флота 1917-1941. М.: Воениздат, 1993. С. 222.
27. *Там же*, с. 683.
28. *Военно-морская* академия (краткая история). Л.: Издание Военно-морской академии, 1991. С. 63.
29. РГА ВМФ. Ф. Р-2192. Оп. 2. Д. 5359. Л. 1.
30. *Центральный* архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 2. Оп. 4. Д. 29. Л. 77-79
31. *Надзорное* производство Главной военной прокуратуры № 56277-39 по делу А. Н. Бахтина и др. С. 22, 30, 40.
32. *Там же*, с. 40.
33. *Надзорное* производство Главной военной прокуратуры № 44н-08651/56.